

КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА

Улица Первая Курская. Самый конец. Так называемое «кольцо» трамвая четвертого маршрута. Внутри «кольца», на травке, привязанные чуть ли не к рельсам, пасутся козы. Из расположенной рядом психбольницы для уголовников доносится хоровое пение. Стройное, в общем, красивое пение. Видать, готовятся к смотру художественной самодеятельности. Напротив, по другую сторону стального пути, – настороженно притаившаяся школа. Занятия идут уже третий день, и школьники начали понемногу отвыкать от летних каникул.

На конечной остановке трамвая женщина средних лет и интеллигентной наружности ждёт редких покупателей семечек, небольшой мешочек которых растёкся по табуретке. Ожидание скрашивается обменом мнениями с пожилым мужчиной о вчерашней серии телефильма «Каменская». У ног женщины пристроилась черно-белая собачка, деловито, без жадности поглощающая семечки, которые продавщица время от времени щепотками бросает на землю.

Трамвайный звонок вспарывает тишину осеннего дня и долго верещит на одной ноте. Друг против друга стоят: коза – прочно упершись в шпалы всеми четырьмя копытами, нагнув рогатую голову и тупо глядя в разные стороны; трамвай – опешив от подобной наглости. Кажется, он обалдело хлопает фарами. Победа пока за козой – на истеричные звонки она не реагирует.

Из вагона выскакивает молоденькая вагоновожатая и, ухватившись за веревку, с причитаниями тянет животину с пути. Безрезультатно. На помощь приходит кондукторша: сдвинув за спину позвякивающую сумку, мощным пинком она отправляет козу в кювет. Та даже не обижается – видно, такой язык понятен ей более всего. Путь свободен. Трамвай подтягивается к остановке уже пустым – пассажиры покинули его во время козьего конфликта. Разбрелись по своим делам, не оглядываясь, – привыкли.

Из глубины улицы, где разночинные домишки громоздятся один на другой, приковыляла старушка с клюкой. Потихоньку перевалив внутрь стального «кольца», она принялась переставлять коз на другое место, где травка посочней. Натужно выдергивает из земли колья и, отойдя в сторону, забивает их обломком кирпича снова. Сил не хватает. Козы выдирают свежезабитые колышки и бодаются промеж собой, не стремясь, впрочем, покинуть пределы пастбища.

Народу на остановке собралось человек пятнадцать. Делать особо нечего, и все с интересом наблюдают за мытарствами старушки. Трамвай, позвякивая, умчался прочь, так и не открыв дверей. Народ погрозил вслед кулаком и принялся ждать следующий. Терпеливый у нас народ.

Со стороны почты вразвалку подошла тётка с большой сумкой. Никто и не обратил бы на неё внимания, влейся тётка в спокойные ряды ожидающих. Но она вдруг срывается с места и бежит к старушке, воюющей с козами.

– Как дала бы сейчас сумкой-то по башке! – кричит она, подбегая. – Чего ты с ними вожжаешься?! На что они тебе?

– Дык, внуки же, правнуки... – бормочет старушка. – Хорошо молочка-то...

– Тыщу раз тебе говорила: продай их к чертовой матери! Сил-то – два раза чихнуть осталось. И где они, твои правнуки? Нужна ты им?

– Санечка навещает, как же... – не сдаётся старушка.

Из-за поворота выруливает трамвайный вагон, и тётка, досадливо махнув рукой, спешит к остановке. Народные массы приходят в движение, придвигаются ближе к полотну – надо успеть занять места в вагоне. Опасения понятны: из школы вырвалась толпа младшеклассников и стремительно несётся к остановке, сметая всё на своём пути. Нет сомнений, эти прорвутся в вагон «по трупам». Сумятицы добавляет собачонка, обожравшаяся семечками: она вскакивает с места и начинает весело лаять в сторону приближающегося трамвая.

Трамвай скрипит тормозами. Школьники, улюлюкая, прибавляют ходу. Собака брешет. Народ волнуется.

Трамвайные двери, лязгнув, открываются. Начинается сутолока: прибывшие пытаются выйти, желающие уехать – войти. Несмотря на то, что последних больше, побеждают те, что выходят, – они атакуют сверху, с трамвайной подножки.

Среди прибывших из вагона вываливается молодой парень нагловатого вида с бутылкой пива в руке. Разогретый борьбой при дверях и потому весёлый, он смачно, с оттяжкой, поддаёт остроносым ботинком радостную собачку. Отчаянно скуля, собака отлетает в угол остановочного павильона, под лавку, тут же вскакивает и с яростным лаем бросается на обидчика. Получает ещё удар и бросается снова. Не ожидавший подобной негиблемости от какой-то твари, парень роняет пивную бутылку и звереет. Удары теперь сыплются на бедную собачонку с частотой пневматического кузнечного молота.

Опрокинув табуретку с семечками, на защиту животного спешит продавщица. Она храбро втискивается между слепым от ярости парнем и полуживой, но не сломленной собакой.

– Не бей! Не бей! Не бей!.. – кричит женщина.

Парень, грязно выругавшись, с трудом заставляет себя притормозить.

– Она кидается, а я смотреть должен, да? – он так и произносит: «кидается», с ударением на первый слог. – Твоя псина? Забирай и проваливай, пока тебя вместе с ней под трамвай не сунул!

Парень вальяжно направляется к магазину, на ходу подняв с земли мешок с остатками семечек и пересыпав их себе в карман. Победитель.

– Вот и Санечка приехал... – тихо произносит тётка с сумкой, глядя в окно из трамвая.

Трамвай, противно скрипя колесами на повороте, отбывает. Мимо окон слева проплывает старушка, судорожно сжимающая в опущенных руках веревку с козой, справа – стена тюремной психушки, из-за которой мощно доносится:

Москва! Звонят колокола!

Москва! Златые купола!...

Ноябрь 2003 г.